

КАК СТАТЬ УНИВЕРСИТЕТСКИМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ? СЛУЧАЙ С. А. ПИОНТКОВСКОГО

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-00264)

Н. В. Гришина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается вопрос о кадровой политике университетов в раннее советское время: 1918 – начало 1920-х гг. На примере историко-филологического факультета Казанского университета анализируется процесс участия профессорской корпорации в выработке правил привлечения к преподаванию молодых ученых. Статья основана на многочисленном делопроизводственном материале, который позволяет реконструировать всю сложность процесса обсуждения и принятия решений в сфере кадровой политики. Во время дискуссии по данному вопросу не раз сталкивались различные интересы: корпоративные, личные, интересы поколений. В центре статьи оказалось дело историка С. А. Пионтковского, рассматривая которое, факультет не только оказался перед необходимостью создавать правила привлечения к внештатному преподаванию, но и вынужден был проявлять гибкость и готовность к компромиссам при возникновении спорных ситуаций, выход из которых должен был осуществляться без ущерба корпоративной этике. В ходе данного процесса происходила постоянная апелляция к до-reволюционным нормам приват-доцентуры как части диссертационной системы.

Ключевые слова: *С. А. Пионтковский, советская историческая наука, Казанский университет, диссертационная культура, преподавание, профессура.*

Преобразование системы высшего образования и подготовки научных кадров, проводимое советским правительством, начиная с 1917 г., имело затяжной характер. Контуры новой системы начали просматриваться лишь с середины 1920-х гг., когда сложились ее основные институциональные формы. Применительно к диссертационной системе этот процесс оказался еще более длительным и завершился лишь в 1930-е гг. В ситуации временного отсутствия государственных правил регулирования многих вопросов функционирования системы высшего образования вузовскому сообществу были предоставлены возможности самостоятельно выработать подобные нормы [2].

В данной публикации обратимся к опыту Казанского университета по решению вопроса приращения кадров молодых преподавателей. В фокусе нашего внимания оказывается история С. А. Пионтковского, претендовавшего на должность внештатного преподавателя в 1919–1920-м гг. Фрагментарно этот эпизод в биографии Пионтковского рассматривался в диссертации В. Ю. Дубровина, посвященной жизни и творчеству историка [4].

Нормативное регулирование кадровой политики

Казань была одним из эпицентров революционно-военной драмы 1917–1918-го гг., в ходе ко-

торой университет потерял большое количество профессоров, преподавателей, студентов. Последовавшая в 1919 г. нормализация университетской жизни потребовала в том числе восстановления преподавательских кадров.

В январе 1919 г. совет историко-филологического факультета рассматривал прошения А. А. Красновского, профессора бывших Высших женских курсов, и К. И. Сотонина, оставленного при университете для подготовки к профессорскому званию, о включении их в состав преподавателей факультета¹. В ходе заседания обнаружилось отсутствие новых правил формирования внештатных кадров преподавателей, в то время как в отношении штатных сотрудников действовал всероссийский конкурс на замещение должностей. Профессор всеобщей истории С. П. Сингалевич, отмечая лакуны в нормативной базе, предложил ориентироваться на следующие требования: 1) трехлетний стаж специальной подготовки в качестве оставленного при Университете; 2) наличие удовлетворительных отчетов за это время; 3) чтение пробных лекций². Таким образом, предлагаемые требования соотносились с требованиями дореволюционной приват-доцентуры. В том же заседании был поставлен вопрос о необходимости выработать правила включения

¹ НАРТ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 7.

² Там же. Л. 7об.

в число внештатных преподавателей. Отсутствие внятной правительственной позиции по этому вопросу позволило факультету положительно решить вопрос о включении претендентов в число преподавателей самостоятельно.

В марте 1919 г. на историко-филологическом факультете была создана комиссия по вопросу об условиях зачисления молодых ученых в число преподавателей университета¹. В состав комиссии вошли декан С. П. Шестаков, профессора Н. М. Петровский, И. А. Стратонов, Н. Н. Кравченко и Н. П. Грацианский. Спустя две недели в заседании совета факультета комиссия представила проект правил о допуске молодых ученых к внештатному преподаванию. Правила включали три основных пункта: 1) представление аспирантом самостоятельной научной работы в печатном или рукописном виде, оценка которой предоставлялась факультету; 2) коллоквиум в заседании факультета по вопросам, связанным с представленной научной работой; 3) две пробных лекции в заседании факультета: одна на тему, избранную аспирантом, другая на тему, назначенную факультетом, причем эта последняя лекция должна быть прочитана в трехдневный срок по ее назначении². Особые условия предлагались для лиц, известных своей научной деятельностью. Они освобождались от представления отдельной научной работы и от коллоквиума. Предложенные комиссией правила после факультетского обсуждения были скорректированы. Во-первых, увеличился срок, в течение которого претендент должен был прочесть пробные лекции. Период между лекциями вместо трех дней составил неделю. Лица, известные научной деятельностью и преподаванием в вузах, освобождались и от пробных лекций. Правила, выработанные комиссией, были вынесены для обсуждения на совет университета в мае 1919 г.³ В сопроводительном прошении университету предлагалось утвердить выработанные факультетом правила «для допущения молодых начинающих ученых к преподаванию (не штатному) в Университете»⁴. Совет направил проект для обсуждения на все факультеты университета. В июле 1919 г. было вынесено решение, что «в виду разнообразия высказанных факультетами взглядов на рассматриваемый вопрос предоставить практике отдельных факультетов установить тот или иной порядок допущения названных лиц»⁵. Таким образом, факультеты

продолжили формирование собственных правил приема внештатных преподавателей, что в ряде случаев сопровождалось конфликтными ситуациями, усилением «кружковщины»⁶ и очередной проверкой на прочность идеалов профессорской культуры.

Привлечение студентов и оставленных к процессу управления вузами проявилось в их попытках принять участие в выработке правил допущения к преподаванию⁷. Подчеркнем, что если в дискуссиях профессоров происходило постоянное обращение к дореволюционному опыту, то предложения научной молодежи в большей степени опирались на современную политическую риторику. Так, в декабре 1919 г. в совет историко-филологического факультета и факультета общественных наук была подана «Памятная записка по вопросу о переходе оставленных при кафедрах в преподаватели»⁸. Авторами записки являлись многие оставленные двух факультетов: И. И. Сакс – экономист, Н. В. Первушин – юрист, А. В. Померанцев и В. В. Овчинникова – историки и др. Уже в первых строках записки ее авторы размышляют о квалификации молодого ученого, дающей ему право вести научно-преподавательскую деятельность. «Каким же, спрашивается, требованиям должна удовлетворять подготовка иными словами, какие требования может ставить народ в лице власти профессорам и преподавателям высшей школы?»⁹, – вопрошают они. Польза народу ставится в центр обсуждения требований к молодому преподавателю: «Для того, чтобы ученый деятель (профессор или преподаватель) приносил действительную пользу народу, он должен очевидно обладать: 1) умением передавать свои знания слушателям; 2) эрудицией в своей области и 3) способностью развивать свои отрасли науки путем творческой самостоятельной работы. Последнее качество является отличием преподавателя высшей школы от средней и низшей. Следовательно, надо установить в стипендиатах наличие этих трех качеств»¹⁰.

Дальнейшие рассуждения оставленных в целом шли в том же русле, что и предложения фа-

¹ НАРТ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 30об.

² Там же. Л. 35об.

³ Там же. Л. 36.

⁴ НАРТ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 15. Л. 73.

⁵ НАРТ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 88.

⁶ Термин, используемый в научной среде при характеристике столкновения групповых интересов. См., к примеру: Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. – СПб., 2005. – С. 131.

⁷ Примеры попыток научной молодежи участвовать в дискуссии о сути диссертационной системы находим и в других учебно-научных учреждениях. См., например, обсуждение хода обучения в аспирантуре РАНИОН: ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 168. Л. 15об.

⁸ НАРТ. Ф. 1337. Оп. 27. Д. 8. Л. 28–29.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 28.

культетской профессуры. Исключение состояло лишь в том, что научная молодежь предлагала на равных опираться на мнение студенчества о претендентах на преподавательскую должность. Так, аспиранты считали необходимым сохранить две пробные лекции, чтение которых должно осуществляться перед максимально широкой аудиторией. «Профессора могут судить о научности этих лекций, студенты – об их должной ясности и доступности; голосование тех и других установит в итоге подлинные достоинства или недостатки этих лекций», – писали авторы записки. Также они выступали за необходимость подачи научной работы, «о которой специалисты давали бы рецензию, ознакомление с которой должно быть доступно всем желающим, что и сможет гарантировать необходимую объективность самой оценки». Наконец, претендент должен пройти «научное собеседование» – коллоквиум относительно представленной работы, «в присутствии и при участии членов факультета и представителей студенчества»¹.

В выводе авторы записки вновь поднимают вопрос о всесторонней оценке претендента – профессорами, студентами и властью: «Таким путем весь Университет в его целом убедится в том, что кандидат достоин стать преподавателем, а государственная власть удостоверится, что отпускаяшиеся ею на стипендиата народные деньги не пропали даром и на них подготовился ученый, могущий в будущем воздать сторицей народу за заботу о нем. Народ вправе требовать от своего стипендиата представления доказательств его работы в той области знания, развитие которой признано полезным для народа. Стипендиат не может уклоняться от проверки его деятельности за тот срок, в течении которого он пользовался социальной обеспеченностью в форме стипендии»².

Только в 1920 г. университет выработал общий проект требований к внештатным преподавателям. В проекте отмечалось, что «каждый оставленный по прошествии 2-летнего стажа своего пребывания при Университете может быть допущен ко Временному Университетскому преподаванию по своей специальности. Основанием для такого допущения служат: 1) рекомендация аспиранта со стороны профессора-руководителя; 2) представление аспирантом самостоятельной научной работы в печатном или рукописном виде <...>; 3) коллоквиум в заседании соответствующего факультета или отделения научной инсти-

тута по вопросам, связанным с представленной научной работой; 4) две пробные лекции»³.

Дело С. А. Пионтковского

В период горячих споров о правилах включения научной молодежи в число внештатных преподавателей университета было подано прошение профессора Н. Н. Фирсова относительно С. А. Пионтковского, оставленного им при университете и частично сдавшего магистерские экзамены⁴. Прошение появилось в октябре 1919 г., к этому времени совет университета передал факультетам право формировать порядок допуска претендентов к преподаванию. Опираясь на опыт К. И. Сотонина и А. А. Красновского, Фирсов, видимо, полагал, что дело С. А. Пионтковского решится быстро. Однако обсуждение было отложено по формальным соображениям – отсутствие профессора-руководителя на заседании. Дальнейшая борьба за Пионтковского, думается, напомнила Н. Н. Фирсову собственный сложный путь к преподаванию, включавший в себя запреты заявленных им основного курса по русской истории и спецкурсов, а также сопротивление группы профессоров во главе с Д. А. Корсаковым [5].

Повторное прошение вкупе с заявлением самого Пионтковского рассматривалось уже в январе 1920 г.⁵ Претендент и профессор настаивали на том, что Пионтковского необходимо освободить от коллоквиума и допустить сразу к чтению пробных лекций. Камнем преткновения стало студенческое сочинение С. А. Пионтковского, отмеченное некогда золотой медалью, которое подавалось в качестве научной работы. Профессора Н. М. Петровский и Н. П. Грацианский считали, что эта работа уже сыграла роль в судьбе молодого историка: благодаря ей он был оставлен при университете, и теперь необходимо другое исследование⁶. Хотя Грацианский не отрицал, что медальные студенческие работы часто оказывались настолько хороши, что со временем в переработанном виде подавались для соискания ученой степени, хотя «в таких случаях все формальности, связанные с получением степени, неизменно соблюдались: степень давали не за медальную студенческую работу, как таковую, а за работу, которая подвергалась новому рассмотрению факультета и публично защищалась диссертантом»⁷.

³ НАРТ. Ф. 1337. Оп. 27. Д. 8. Л. 9об.

⁴ НАРТ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 107.

⁵ НАРТ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 2. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 9об-10.

⁷ Там же. Л. 10.

¹ Там же. Л. 28об.

² Там же. Л. 29.

В итоге было решено представленную работу направить для рассмотрения всем преподавателям факультета, что вызвало закономерные возражения Фирсова. Он говорил, что «ничего не имеет против передачи работы для оценки всем представителям русской истории, хотя считает своею обязанностью подчеркнуть, что даже при оценке докторской диссертации разбор такой обычно поручался одному специалисту»¹. Грацианский, споря с Фирсовым, отмечал, что «хотя предварительный разбор работы иногда и поручался одному рецензенту, но на диспуте, который решал дело о присуждении докторской степени, всегда выступало несколько оппонентов»².

Дело Пионтковского привело к обсуждению вопроса о том, могут ли медальные сочинения в принципе подаваться в качестве научных работ на право преподавания. Вопрос был решен отрицательно, но сочинение Пионтковского было принято к рассмотрению, так как запрет был введен уже после подачи студенческой работы для рассмотрения в факультетский совет.

После ознакомления с работой всех членов факультета и ее обсуждения не без споров (против выступил профессор Е. Ф. Будде) было принято решение о допуске Пионтковского к коллоквиуму и дальнейшему прочтению двух пробных лекций. Претендент предложил тему: «Инородческие наказания Казанского края в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 года». Тема второй лекции вызвала жаркие споры. Н. Н. Фирсов предложил незамысловатую формулировку «Причины смутного времени», И. А. Стратонов, считая, что в таком звучании тема «носит слишком общий характер», предложил другой вариант – «Влияние событий смутного времени на настроения русского общества начала 17 века». М. В. Бречкевич, апеллируя к сложившейся на факультете традиции принимать тему, предложенную непосредственным профессором-руководителем, предложил не создавать новых прецедентов. Однако подобное заявление вызвало обратную реакцию. Темы посыпались из уст профессоров как из рога изобилия: П. Г. Архангельский «Социальные движения в смутное время», А. О. Маковельский «Ликвидация смуты в Московском государстве»³. Прецедент был создан – предложенные темы подвергли голосованию, в результате которого была выбрана тема П. Г. Архангельского.

¹ Там же. Л. 10об.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 32об-33об.

Первая лекция С. А. Пионтковского была признана удовлетворительной, хотя участники обсуждения отметили недостатки в виде «фактических погрешностей, малой критической обработки материала и не совсем удачной его классификации»⁴. Вторая лекция не была принята столь однозначно. Н. Н. Фирсов, выступив с анализом достоинств и недостатков лекции, закономерно предложил признать ее удовлетворительной. Его поддержали А. О. Маковельский и П. Г. Архангельский, а М. В. Бречкевич выступил за «совершенно удовлетворительно». Но были и противники – профессор А. А. Красновский, к примеру, отстаивал неудовлетворительную оценку лекции, но предложил допустить Пионтковского к преподаванию. Его поддержали Н. П. Грацианский и К. В. Харлампович. После поименного голосования (9 голосов «за», 2 – «против») Пионтковский был допущен к временному преподаванию.

Таким образом, в деле Пионтковского было создано несколько прецедентов, повлиявших на формирование итоговой версии правил приема в число внештатных преподавателей. При этом важно отметить, что история с Пионтковским затянулась не только в результате отсутствия четкой и хорошо апробированной процедуры приема в число преподавателей университета, но и под влиянием столкновения различных интересов. Во-первых, неоднозначно воспринималась личность самого претендента, который был сыном представителя университетской среды⁵, но разделял ценности, в том числе и политические, во многом чуждые профессорской культуре. Во-вторых, получив право принимать кадровые решения, профессора стремились досконально следовать процедуре. Это подчеркивало их значимость, выраженную во властных полномочиях и возможности «сертификации» претендентов на преподавание [3]. Кроме того, реальное участие в управлении факультетом позволяло ученым осуществлять переоценку самих себя как единой профессиональной группы и инкорпорировать в свои члены достойного ее представителя. Если раньше символическое вхождение в научное сообщество маркировал диссертационный диспут, то после отмены ученых степеней «обряд институционализации» осуществлялся в ходе процесса принятия в преподаватели. Для профессоров этот акт оказывался не менее важным, чем для соиска-

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Отец историка Андрей Антонович Пионтковский (1862–1915) – известный юрист, профессор юридического факультета Казанского университета, в 1911–1915 гг. исполнял обязанности декана факультета.

теля, так как он подчеркивал сохранение за ними элитарного статуса в научно-образовательной институции, поддерживал веру в себя и в очередной раз являлся подтверждением незыблемости корпоративных ценностей.

Список литературы

1. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. – СПб., 2005.
2. Гришина, Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860 – 1920-е гг. / Н. В. Гришина // Мир историка: историографический сборник. – Омск, 2014. – Вып. 9. – С. 122–145.
3. Демина, Н. В. Институционализация в сообществе ученых: защита кандидатской диссертации как обряд перехода / Н. В. Демина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8, № 1. – С. 97–112.
4. Дубровин, В. Ю. Историк С. А. Пионтковский: Исследование жизни и творчества : дис. ... канд. ист. наук / В. Ю. Дубровин. – Казань, 2002.
5. Ермолаев, И. П. Профессор Николай Николаевич Фирсов / И. П. Ермолаев, А. Л. Литвин. – Казань, 1976.

Сведения об авторе

Гришина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия.
natalyagrishina@mail.ru

Magistra Vitae.
2016. No 2. P. 158–163.

HOW TO BECOME A UNIVERSITY TEACHER? S.A. PIONTKOVSKY CASE STUDY

N. V. Grishina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. natalyagrishina@mail.ru

The article dwells on university personnel policy in the Soviet period of the 1918 - early 1920s. The faculty of history and philology at Kazan University is a case study which is used to analyze the professorate participation in working out regulations to attract young scientist to teaching. The article is based on numerous documentation management records that allows reconstructing how difficult the process of discussing and decision making in the sphere of personnel policy was. While discussing various interests collided, that is corporate, generation, and personal ones. The article centers around the case of the historian S.A. Piontkovsky. Examining it, the faculty had to work out regulations to attract nontenured teachers as well as show flexibility and readiness for compromises in controversial situations the way out of which should be without prejudice to corporate ethics. During the process they constantly appealed to pre-revolutionary privatdozent regulations as a part of dissertation system.

Keywords: *S.A. Piontkovsky, Soviet historical studies, Kazan University, dissertation culture, teaching, professorate*

References

1. *Aleksandr Evgen'evich Presnjakov. Pis'ma i dnevniki. 1889–1927* [Alexander E. Presnyakov. Letters and diaries. 1889–1927]. Saint Petersburg, 2005.
2. Grishina N.V. Ot «ostavlennyh dlja podgotovki k professorskomu zvaniju» k sovetskim aspirantam: transformacija sistemy vosproizvodstva nauchnyh kadrov v 1860–1920-e gg. [From “left to prepare for a professorship” to the Soviet post-graduate students: the transformation of scientific personnel reproduction

---

system in 1860–1920s.]. *Mir istorika: istoriograficheskij sbornik* [World of the historian: historiographic collection], iss. 9. Omsk, 2014. Pp. 122–145.

3. Demina N.V. Institucionalizacija v soobshhestve uchenyh: zashhita kandidatskoj dissertacii kak obrjad perehoda [Institutionalization of community researchers: Ph.D. as a rite of passage]. *Zhurnal sociologii I social'noj antropologii* [Magazine of sociology and social anthropology], 2005, vol. 8, no. 1, pp. 97–112.

4. Dubrovin V.Ju. *Istoriik S.A. Piontkovskij: Issledovanie zhizni I tvorcestva* [Historian S.A. Piontkovsky: Exploring the life and work]. Kazan, 2002.

5. Ermolaev I.P., Litvin A.L. *Professor Nikolaj Nikolaevich Firsov* [Professor Nikolai Firsov]. Kazan, 1976.